

Будаев Э. В.

Нижний Тагил, Россия

СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР¹

УДК 321.0

Код ВАК 10.02.05; 10.02.19

Аннотация. В настоящее время исследования, посвящённые когнитивной метафоре в политической коммуникации, широко распространены, однако большинство авторов работают с метафорическими выражениями, т.е. с вербальным аспектом политической метафорологии. Цель данной статьи – представить обзор американских и европейских исследований невербальной метафоры и рассмотреть семиотические и когнитивные корреляции вербальных и невербальных аспектов политического дискурса.

Ключевые слова: политическая метафорология; метафора; семиотический параллелизм, невербальная метафора.

Сведения об авторе: Будаев, Эдуард Владимирович

Ученая степень, звание: кандидат филологических наук, доцент

Место работы: Нижнетагильская государственная педагогическая академия, кафедра иностранных языков

Должность: доцент

Контактная информация: 622031, Свердловская обл., г. Нижний Тагил, ул. Красногвардейская, д. 57

E-mail: aedw@rambler.ru

Budaev E. V.

Nizhny Tagil, Russia

SEMIOTIC PARALLELISM
OF POLITICAL METAPHORS

Abstract. Nowadays researches into cognitive metaphor in political discourse are widespread, however the majority of publications deal with metaphorical expressions, i.e. verbal aspect of political metaphorology. The aim of this article is to review American and European studies of non-verbal metaphors and consider the semiotic and cognitive correlation of verbal and non-verbal aspects of political discourse.

Key words: political metaphorology; metaphor; semiotic parallelism; non-verbal metaphor.

About the author: Budaev, Eduard Vladimirovich
Academic degree, academic status: candidate of
philological sciences, associate professor

Place of employment: Nizhny Tagil State Social
and Pedagogical Academy, chair of foreign languages

Position: associate professor

Становление когнитивной теории метафоры, связанной в первую очередь с разработкой теории концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1993], вызвало повышенный интерес исследователей к метафорике, объективированной в политическом дискурсе в вербальной форме [Андерсон 2007, 2008; Баранов, Караулов 1994; Лакофф 2008; Мусолфф 2008; Чудинов 2001, 2003; Charteris-Black 2004, 2005; Chilton 1996; Frankowska 1994; Goatly 2007; Lakoff 2004, 2006; Musolff 2000, 2004; Zinken 2002 и др.]. Вместе с тем определение онтологического статуса концептуальной метафоры поставило закономерные вопросы о корреляциях когнитивных структур со всем семиотическим пространством политической коммуникации. Внимание исследователей стали привлекать и другие, невербальные источники данных о политических метафорах (карикатуры, агитационные плакаты, картины, жесты и др.), что в свою очередь позволило выявить семиотические параллели между вербальными и невербальными модусами политического дискурса. В настоящей статье предпринята попытка систематизировать исследования в области невербальной политической метафорики, про-

веденные в двух мегарегионах: Северной Америке и Западной и Центральной Европе.

В США лидирующее место в исследовании невербальной политической метафорики занимают работы, посвященные анализу политической карикатуры, которая рассматривается не только как средство критики, но и как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью. Как отмечает М. Даймонд, исследователи привыкли рассматривать политическую карикатуру как графическую работу и средство сатиры, однако «низведение политических карикатур до юмора и сатиры неверно, так как сатира и юмор не обязательные элементы карикатуры», карикатуры следует рассматривать как «политические знаки», особенно в неевропейской культуре [Diamond 2002: 252].

Систематические исследования визуальных метафор в американской политической карикатуре начинаются с 80-х гг. прошлого века [Buell, Maus 1988; DeSousa, Medhurst 1982], и хотя в этот период авторы не акцентировали внимание на сравнении вербальных и невербальных метафор, уже первые результаты показали, что между этими уровнями политической семиотики наблюдаются регулярные корреляции. Так, Э. Буелл и М. Маус, изучив метафоры в политических карикатурах предварительных выборов 1988 г. в США, пришли к выводу о том, что в них доминирует метафора

¹ Исследование подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 07-04-02-002а – Метафорический образ России в отечественном и зарубежном политическом дискурсе).

лошадиных скачек [Buell, Maus 1988: 849], что согласуется с наблюдениями исследователей английской вербальной метафоры. Дж. Эдвардс [Edwards 1995], один из ведущих специалистов по визуальной политической метафоре, проанализировав метафорические кластеры в американских карикатурах времен президентской кампании 1988 г., обнаружила, что в этих карикатурах очень распространена метафора «преуменьшения» (metaphor of diminishment). Например, кандидата в президенты можно изобразить в виде карлика, которому нужно приложить немало усилий, чтобы соперничать с оппонентом, или в образе ребенка, тем самым подчеркивая, что он не готов занимать такой ответственный пост. Наоборот, высокий рост и крепкое телосложение – визуальный аналог политической власти.

Исследования метафор в политических карикатурах направлены на выявление ролей, приписываемых политикам [Benoit et al. 2001; Seymour-Ure 2001], на анализ визуальных образов внешнего врага [Diamond 2002; Edwards 1993; Gamson, Stuart 1992]. Особенно большой интерес исследователей привлекают метафоры в карикатурах, изображающих кандидатов в президенты в предвыборный период [Buell, Maus 1988; DeSousa, Medhurst 1982; Edwards 1995, 1997, 2001; Sena 1985]. Иллюстрацией к этой группе изысканий может служить исследование Дж. Эдвардс, направленное на изучение метафор в политических карикатурах периода президентских выборов в США в 2000 г. [Edwards 2001].

Дж. Эдвардс выделила два вида визуальных метафор: «ситуационные» (situational), направленные на переосмысление существующей ситуации, и «воплощающие» (embodying), направленные на переосмысление политиков. При рассмотрении этих метафор Дж. Эдвардс выявила пять аспектов, которые были регулярно задействованы в метафоризации кандидатов на президентский пост: *характер, жизнестойкость, компетентность, харизма и независимость*.

Исследование показало, что авторы визуальных метафор в равной степени обращались к *характеру, независимости и жизнестойкости* Дж. Буша и А. Гора, но относительно *компетентности* и *харизмы* были обнаружены существенные различия. Карикатуристы не высмеивали компетентность А. Гора, но активно эксплуатировали негативные оценки компетентности Дж. Буша. Как отмечает Дж. Эдвардс, «архетипичным» примером карикатур этой группы служит изображение «президентской библиотеки Дж. Буша» в виде полки с комиксами. Вместе с тем А. Гору, по мнению карикатуристов, не хватало харизмы, присущей тейксаскому ковбою Дж. Бушу. В этой связи кандидата-демократа часто изображали в виде дерева, доски или робота. Особое внимание Дж. Эд-

вардс уделяет использованию образов бывших президентов США в кампании 2000 г. По подсчетам исследователя, такие «интертекстуальные» образы прямо или косвенно задействовались в 25 % карикатур.

Исследователи визуальной политической метафоры сходятся во мнении, что метафоры в политической карикатуре отражают индивидуальную интерпретацию событий, но эта интерпретация несет на себе отпечаток национального коллективного сознания. Визуальные метафоры напоминают об общих ценностях, имплицитно их поддерживают и воспроизводят. Такие исследования показывают, что в политической карикатуре политики могут представляться клоунами, спортсменами и акробатами так же часто, как и в вербализованных метафорах политического дискурса. В связи с этим исследователи приходят к выводу о том, что визуальная метафора столь же значимый источник данных об общественном сознании, как и вербальная метафора [Edwards 1993, 1995, 1997, 2001; El Refaie 2003; Morris 1993].

Исследователи вербальных метафор в политическом дискурсе неоднократно указывали на то обстоятельство, что политики часто стремятся дегуманизировать политического противника или внешнего врага с помощью различных метафорических образов – от дикаря и насильника до жестокого зверя и микроба. К похожим выводам приходят исследователи невербальной политической метафоры. Например, С. Кин [Keen 1988] показал, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах XX в. противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, при этом во всем мире для дегуманизации врага используется стандартный набор образов, среди которых наиболее распространены невербальные метафорические образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

Особенно интересны публикации, авторы которых сопоставляют вербальные и невербальные политические метафоры в рамках одного исследования. Это позволяет достоверно проследить, как при осмыслении определенных событий концептуальная политическая метафора реализуется на вербальном и невербальном уровнях политической семиотики.

В этом отношении очень показательное исследование Б. Бергена [Bergen 2004]. Для определения корреляций между вербальной и невербальной политической метафорикой Б. Берген проанализировал метафорические образы в политических карикатурах, появившихся в течение недели после событий 11 сентября 2001 года. Изучив 219 политических карикатур, Б. Берген сопоставил их с метафорами, связанными с политическим нарративом «Террористические атаки 11 сентября 2001 го-

да», из банка данных Дж. Лакоффа. Согласно Дж. Лакоффу, в осмыслении этих событий доминировали несколько концептуальных метафор: ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ, 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР И СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ. Как оказалось, в политических карикатурах этого периода доминировали метафорические образы, выявленные Дж. Лакоффом. Как демонстрирует Б. Берген, террористы изображались в образе тараканов, а Усама бен Ладен в образе огромной крысы, что соотносилось с концептуальной метафорой АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ. Соответственно США часто представлялись в виде человека (дяди Сэма), которому в спину воткнули нож с надписью «terrorism», но который остался жив и готов к мщению. На другой карикатуре из шляпы человека-США идет дым и т.п. Также очень распространенной оказалась метафора 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР. Например, на одной из карикатур был изображен окутанный дымом Нью-Йорк, а изображение сопровождалось прецедентной цитатой адмирала Ямамото, произнесенной им после атаки на Перл-Харбор. На другой карикатуре изображены башни Мирового торгового центра, которые тонут в океане, словно разбомбленный корабль, а в небе летит самолет, из которого доносятся крики «Terror!» (созвучные крикам «Tara!», с которыми японские летчики времен Второй мировой войны начинали воздушную атаку).

Метафорическая СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ могла отражаться с помощью образа средневекового рыцаря с американскими символами на щите, который сражается против дракона с надписью «terrorism». При этом у дракона видны в основном когти и зубы, что отражает трудность борьбы с невидимым противником.

Вместе с тем в неамериканских карикатурах эта сказка о справедливой войне часто представлялась иначе. Например, на одной из карикатур Дж. Буш изображался в одежде крестоносца с огромной, закрывающей глаза короной на голове, который с трудом волочит по земле огромный меч. Очевидно, что в сознании многих людей образ крестоносца не связан с универсальным смыслом восстановления справедливости, что и использовал автор карикатуры для привнесения сатирического смысла.

Таким образом, Б. Бергену удалось показать, что в основе осмысления определенных политических событий как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики.

Другим источником сведений о невербальной политической метафоре служат жесты по-

литиков в их сопоставлении с метафорическими выражениями.

Дж. Лакофф [Lakoff 2004] выделил две модели со сферой-источником «Семья», лежащих в основе внутривнутриполитического дискурса США. Согласно *Модели Строгого Отца* дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. *Модель Воспитывающего Родителя* несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политическое доминирование консерваторов с использованием *Модели Строгого Отца*, а неудачи либералов связывает с особенностями актуализации *Модели Воспитывающего Родителя*.

Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки [Cienki 2004]. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям Строгого Отца (SF) и Воспитывающего Родителя (NP). Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора – 241). Эти результаты А. Ченки сопоставил с анализом жестов оппонентов и пришел к выводам, что жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне оказались еще более показательными, чем на вербальном. Следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев сопоставления жестов

с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей и все-таки эти наблюдения наводят на мысль, что «жестовые» метафоры менее контролируемы, а потому более показательны.

Как показывает обзор американских исследований, изучение невербальной политической метафоры становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафоры и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

В Европе не сложилось такого устойчивого направления анализа невербальной политической метафоры как в Северной Америке, что связано в первую очередь с жанровыми отличиями политических дискурсов США и Европы. Вместе с тем некоторые исследования заслуживают внимания.

Вполне закономерно, что американские исследователи интересуются карикатурами, созданными в связи с президентскими кампаниями в США, а европейцы склонны анализировать невербальные метафорические знаки европейской политической культуры.

Большой интерес представляет статья швейцарского профессора Д. Вайса «Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы», посвященная отзоонимным метафорам в советской прессе [Вайс 2008]. Исследование показало, что зооморфное представление образа врагов особенно характерно для сталинского и хрущевского периодов, тогда как в дальнейшем роль вербальной и невербальной (плакаты, карикатуры и др.) зоосимволики заметно сократилась. Показательно, что в 30-50-х гг. прошлого века для характеристики «своих» применялись всего две метафоры из мира живой природы – орел и сокол.

Для обозначения «чужих» использовалось более двадцати зооморфных образов. В советской зоосемiotике отсутствуют медведь и лиса – главные персонажи национального фольклора, зато широко упоминаются чуждые ему насекомые и ползучие гады. Вместе с тем автор показывает, что до известной степени советская пропаганда была «гуманнее» нацистской: на политических карикатурах в Германии врагов (евреев) изображали в виде крыс и прочих мерзких тварей, тогда как в СССР такие образы не использовались. Хрущевская оттепель ознаменовалась помимо прочего смягчением зоологических метафор.

Обращение европейских исследователей к визуальному ряду в исторической перспективе показало, что многие концептуальные политические метафоры имеют давние традиции не только на вербальном уровне. Как отмечает М. Луома-ахо, в XVI в. при составлении географических карт Европа и другие континенты

представлялись в форме человеческого тела. Примечательно, что соответствие между географическими районами и частями тела зависело от составителя и часто содержало в себе ту или иную политическую идеологию. Например, в «Космографии» Мюнстера Европа изображалась в виде королевы, стоящей на Азии, Испания была ее короной, а Богемия – сердцем (для достижения идеологического эффекта пришлось расположить королеву горизонтально). Эта визуальная политическая метафора многократно воспроизводилась на фасадах зданий в период владычества Габсбургов и привносила естественную перспективу в рассмотрение такого геополитического мировидения [Luoma-aho 2002: 74].

Исследователи политического дискурса продемонстрировали, что для осмысления международных отношений метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД (расширенный вариант ГОСУДАРСТВА – ЭТО СООБЩЕСТВО ЛЮДЕЙ) часто реализуется в виде метафор ГОСУДАРСТВО-НАСИЛЬНИК и ГОСУДАРСТВО-ЖЕРТВА, а метафорическая логика подразумевает еще и наличие ГОСУДАРСТВА-ЗАЩИТНИКА, что часто используется как средство оправдания военного вмешательства в международный конфликт [Чудинов 2003; Bates 2004; Lakoff 1991; Rohrer 1995]. Метафора «насильщика» используется не только для описания военной агрессии, но и для формирования негативного образа в мирный период, что удалось в прямом смысле показать финской исследовательнице Й. Валениус [Valenius 2000]. Анализ того, как Финляндия и Россия представлялись в 100 финских пропагандистских карикатурах 1908-1914 гг. (в период, когда в Финляндии, находившейся в составе Российской империи, были отменены многие автономные привилегии), выявил устойчивость образа финской девушки (персонификация Финляндии), которая подвергается сексуальным домогательствам и насилию со стороны зловещего русского мужика или казака (персонификация России). Примечательно, что русский мог изображаться в виде человека со смуглой кожей или даже в образе негра-каннибала, что должно было подчеркнуть, что в отличие от российского образа, белая финская девушка – не азиатка, а европейка. По мнению исследовательницы, это обстоятельство обусловлено действием еще более общей метафоры *света и тьмы*, согласно которой «свои» ассоциируются со светом, а этнически «чужие», в данном случае русские, представляются как порождение *тьмы*. Иногда на таких карикатурах появлялись защитники, например, бегущие на помощь Финляндии мужчины в европейских колпаках.

Подобные исследования позволяют получать интересные выводы о том, что многие невербальные политические метафоры имеют аналоги в метафорических выражениях политического дискурса. Следовательно, невер-

бальные и вербальные метафоры представляют собой модусы одних и тех же когнитивных структур и подчиняются схожим когнитивным закономерностям.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Р. Д. Каузальная сила политической метафоры // Политическая лингвистика. – 2007. – № 22.

Андерсон Р. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.

Вайс Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы // Политическая лингвистика. – 2008. – № 25.

Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.

Мусолфф А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Майн Кампф» // Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. – М., 2008.

Benoit W.L., Klyukovski A.A., Mchale J.P., Airne D. A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton-Lewinsky-Starr affair // Critical Studies in Media Communication. – 2001. – Vol. 18 (4).

Bergen B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons // Language, Culture, and Mind / Ed. M. Achard, S. Kemmer. – Stanford, 2004.

Buell E. H., Maus M. Is the pen mightier than the word? Editorial cartoons and 1988 presidential nominating politics // Political Science and Politics. – 1988. – Vol. 21(3).

Charteris-Black J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis. – Basingstoke, 2004.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. – Basingstoke, 2005.

Chilton P. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House. – New York; Bern; Frankfurt/M., 1996.

DeSousa M. A., Medhurst M. J. Political cartoons and American culture: Significant symbols of campaign 1980 // Studies in Visual Communication. – 1982. – Vol. 8.

Diamond M. No laughing matter: Post-September 11 political cartoons in Arab/Muslim newspapers // Political Communication. – 2002. – Vol. 19(2).

Edwards J. L. Metaphors of enmity in Gulf War political cartoons // The Ohio Speech Journal. – 1993. – Vol. 30.

Edwards J. L. Political cartoons in the 1988 presidential campaign: Image, metaphor, and narrative. – New York, 1997.

Edwards J. L. Running in the Shadows in Campaign 2000: Candidate Metaphors in Editorial Cartoons // American Behavioral Scientist. – 2001. – Vol. 44. – № 12.

Edwards J. L. Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign '88 cartoons // INKS. Cartoon and Comic Arts Studies. – 1995. – Vol. 2. – № 2.

El Refaie E. Understanding visual metaphor: The example of newspaper cartoons // Visual Communication. – 2003. – Vol. 2(1).

Frankowska M. Frazologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989-1993 // Język a kultura. Wrocław. – 1994. – Tom 11.

Gamson W. A., Stuart D. Media discourse as symbolic contest: The bomb in political cartoons // Sociological Forum. – 1992. – Vol. 7(1).

Goatly A. Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology. – Amsterdam, 2007.

Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. – New York, 1988.

Lakoff G. Don't Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives. – White River Junction, 2004.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought / Ed. A. Ortony. – Cambridge, 1993.

Lakoff G. Whose Freedom?: The Battle Over America's Most Important Idea. – New York, 2006.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. – Chicago, 1980.

Luoma-aho M. Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse // Geopolitics. – 2002. – Vol. 7. – № 3.

Morris R. Visual rhetoric in political cartoons: A structuralist approach // Metaphor and Symbolic Activity. – 1993. – Vol. 8(3).

Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. – Munich, 2000.

Seymour-Ure C. What future for the British political cartoon? // Journalism Studies. – 2001. – Vol. 2(3).

Valenius J. Ethnic Bodies. Visual Representations of Finland and Russia in the Early 20th Century Finland. Paper presented at 4th European Feminist Research Conference "Body Gender Subjectivity: Crossing Disciplinary and Institutional Borders". – Bologna, 2000.

Zinken J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld, 2002.

© Будаев Э. В., 2008